DOI: 10.53737/2713-2021.2025.75.28.004

Айжан Байгаж, Аида Нурбаева

ТЕРМИНОЛОГИЯ ОРУЖИЯ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОМ АРЕАЛЕ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ*

Исследование посвящено лексико-семантической типологии военной терминологии тюрко-монгольского ареала. Цель – выстроить верифицируемую модель соответствия «термин ↔ артефакт» и показать её объяснительную силу. Используются сравнительно-исторический, когнитивно-семантический, типолого-структурный и корпусный методы; источники включают древнетюркские и монгольские памятники, лексикографию и археологические публикации. Предложена четырёхкритериальная проверка (семантический, конструктивный, хронологический, ареально-культурный) и шкала достоверности A/B/C. Построена функционально-семантическая типология пяти классов (наступательное, оборонительное, дистанционное, кавалерийское, ритуально-статусное), показана ядерно-периферийная организация лексикона; ключевые ряды (қылыш, найза, садақ/жебе, қалқан, сауыт, дулыға; нөкер, олжа, көбе) проанализированы с учётом деривации и коллокаций. Доказано: «жёсткое ядро» терминов устойчиво коррелирует с морфологией артефактов, а периферия отражает метафоризацию и социально-ритуальные сдвиги. Результаты пригодны для лексикографии, музейной атрибуции и цифровых онтологий вооружения.

Ключевые слова: тюрко-монгольская лексика, заимствованные слова, военная терминология, семантическая типология, корпусная верификация, археолингвистика.

Сведение об авторах: Байгаж Айжан[1], PhD докторант, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева; Нурбаева Аида Мухтаровна[2], PhD, и. о. ассоциированного профессора, Казахский национальный педагогический университет имени Абая.

Контактная информация: [1]010000 Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2, e-mail: aika4280@mail.ru; [2]050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Достык, 13 e-mail: [2]nurbaeva.aida@bk.ru.

Aizhan Baigazh, Aida Nurbayeva

WEAPON TERMINOLOGY IN THE TURKO-MONGOLIC AREA: A LEXICO-SEMANTIC TYPOLOGY

The study develops a lexico-semantic typology of weapon terminology across the Turko-Mongolic area. The aim is to build a verifiable “term ↔ artifact” mapping and demonstrate its explanatory power. We combine comparative-historical, cognitive-semantic, typological-structural and corpus methods, drawing on Old Turkic and Mongolic texts, lexicography and archaeological reports. A four-criterion validation (semantic, constructive, chronological, areal-cultural) with an A/B/C confidence scale is introduced. A five-class functional typology (offensive, defensive, ranged, cavalry/horse gear, ritual-status) is established, revealing a core-periphery structure; key sets (qılış, nayza, sadaq/jebe, qalqan, sawyt, dūlyğa; nöker, olja, köbe) are analyzed via derivation and collocations. Findings show the “hard core” terms consistently align with artifact morphology, while the periphery captures metaphorization and socio-ritual shifts. The results support lexicography, museum attribution, and digital ontologies of arms.

Key words: Turko-Mongolic lexicon, loanwords, weapon terminology, semantic typology, corpus validation, archaeolinguistic.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК, ИРН проекта BR28713029.

Статья поступила в номер 01 октября 2025 г.
Принята к печати 14 октября 2025 г.

© А. Байгаж, А.М. Нурбаева, 2025.

About the authors: Baigazh, Aizhan[1], PhD Doctoral student, L.N. Gumilyov Eurasian National University; Nurbaeva Aida M.[2], PhD (Philology), Acting Associate Professor, Abai University.
Contact information: [1]010000, Kazakhstan, Astana, Satpayev Street 2, e-mail: aika4280@mail.ru; [2]050010, Republic of Kazakhstan, Almaty, Dostyk Avenue 13, e-mail: [2]nurbaeva.aida@bk.ru.

Введение

Изучение военной терминологии в тюрко-монгольском ареале представляет собой одну из актуальных задач современного языкознания, поскольку данная лексическая область выступает не только как система номинации материальных предметов, но и как отражение глубинных когнитивных и социокультурных структур степной цивилизации. Терминология вооружения фиксирует сведения о технологических особенностях, функциональном назначении и семантической организации предметного мира, что позволяет рассматривать её в качестве ценного источника для реконструкции мировоззренческих моделей, типологических признаков материальной культуры и механизмов межъязыкового взаимодействия.

Тюрко-монгольская языковая общность характеризуется длительным историческим взаимодействием, общностью культурных традиций, сходством хозяйственно-бытового уклада и военной организации. Вооружение в степной среде имело не только утилитарное, но и символическое значение, являясь маркером социального статуса, принадлежности к воинскому сословию, а также носителем сакральных смыслов, связанных с представлениями о защите, доблести и власти. В связи с этим анализ терминологии оружия требует междисциплинарного подхода, объединяющего данные исторической лексикологии, археологии, семантики, типологии и культурной антропологии.

Несмотря на значительное число исследований, посвящённых древнетюркской и монгольской лексике, системное сопоставление терминов вооружения в контексте археологических и историко-культурных данных остаётся недостаточно разработанным. Традиционно внимание исследователей сосредоточено на этимологическом и морфологическом анализе, а семантическая структура, динамика значений и функционально-типологические соответствия между словом и предметом описываются преимущественно фрагментарно. При этом в распоряжении науки имеется значительный корпус письменных памятников — орхонско-енисейские надписи, древнеуйгурские тексты, средне- и старомонгольские хроники, эпосы, дипломатические и летописные источники, а также обширная археологическая база, включающая коллекции оружия, конской амуниции и защитных средств из памятников евразийского степного ареала. Особое значение для реконструкции защитного комплекса имеют материалы позднесредневековых находок, в частности описанный Л.А. Бобровым и У.М. Агатаем (Бобров, Агатай 2023) шлем из Зайсанского историко-краеведческого музея, датируемый XV — началом XVII в., относимый к вооружению могульских и раннеказахских воинов.

В современных условиях накопление и цифровизация корпусных данных открывает новые возможности для типологического анализа терминов вооружения. Сопоставление лексических данных с материальными комплексами позволяет перейти от описательной семантики к эмпирически верифицируемым моделям, где слово соотносится с конкретной конструкцией, функцией и хронологией. Однако этот переход требует чётких операциональных критериев и унифицированной методологии сопоставления лексем с артефактами.

Актуальность исследования определяется необходимостью выработки таких критериев и построения целостной лексико-семантической типологии, которая могла бы быть сопоставима с археологической классификацией. Создание формализованного механизма

корреляции «термин ↔ артефакт» имеет принципиальное значение для точной реконструкции историко-культурных процессов, уточнения датировок, выявления ареалов культурных контактов и языковых заимствований.

Важным аспектом работы является анализ механизмов семантических сдвигов в терминологии оружия. Для тюрко-монгольского ареала характерна высокая степень метонимичности и метафоричности военной лексики, обусловленная взаимодействием практической и символической функций. Номинации, первоначально обозначавшие конкретные элементы вооружения или конской амуниции, нередко переходили в абстрактные поля, связанные с воинской честью, службой, победой и добычей. Таким образом, изучение семантических преобразований терминов вооружения позволяет проследить динамику культурных смыслов и их закрепление в языке.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые предложена комплексная методика верификации терминов вооружения, объединяющая лексико-семантический, типолого-конструктивный, хронологический и ареально-культурный критерии. Впервые вводится многоуровневая система оценки достоверности соответствий («категории A/B/C»), которая обеспечивает прозрачность аргументации и возможность последующей репликации результатов. Такой подход позволяет минимизировать субъективность интерпретаций и перейти от описательной к доказательной модели анализа военной лексики.

Цель исследования — построение лексико-семантической типологии терминов вооружения тюрко-монгольского ареала и доказательство её верификационной состоятельности через сопоставление языковых данных с археологическими и историко-культурными источниками.

Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

1. Сформировать корпус письменных, археологических и лексикографических источников, охватывающий древнетюркскую, уйгурскую, монгольскую и ойратскую традиции.
2. Провести унификацию транслитерации, терминологии и описательных параметров для корректного межъязыкового сопоставления.
3. Разработать систему критериев проверки соответствий «термин ↔ артефакт» по четырём независимым основаниям: семантическому, типолого-конструктивному, хронологическому и ареально-культурному.
4. Построить функционально-семантическую типологию терминов вооружения, выделив пять основных категорий: наступательное, оборонительное, дистанционное, кавалерийское и ритуально-статусное вооружение.
5. Провести анализ деривационных гнёзд и частотных коллокаций для выявления устойчивых моделей номинации.
6. Оценить степень достоверности соответствий с применением шкалы A/B/C.
7. Выявить закономерности метонимических, метафорических и ритуальных трансформаций военной лексики.
8. Подготовить методические рекомендации по верификации терминов вооружения для дальнейших междисциплинарных исследований.

Объектом исследования является терминология вооружения в тюркских и монгольских языках, репрезентированная письменными памятниками, словарями, а также этнографическими и археологическими данными. Предмет исследования составляют лексико-семантические, типолого-конструктивные и когнитивно-культурные параметры функционирования терминов вооружения в их историко-хронологической и ареальной динамике.

Методологическую основу работы составляют сравнительно-исторический, когнитивно-семантический, типолого-структурный и корпусно-верификационный методы. Сравнительно-исторический подход обеспечивает выявление генетических и контактных

связей между тюркскими и монгольскими формами, когнитивно-семантический — реконструкцию мотивирующих признаков номинации, а типолого-структурный позволяет установить системные закономерности лексико-семантической организации терминов. Корпусный анализ включает построение параллельных таблиц лексем по языкам, фиксацию частот, контекстов и коллокаций, а также формализацию параметров артефактов по археологическим публикациям. Для каждой пары «термин ↔ артефакт» создаётся паспорт соответствия, где указываются источник, контекст, морфологические характеристики, хронология и категория достоверности.

В теоретическом плане исследование опирается на идеи семантической типологии (А. Вежбицкая, Б. Комри), когнитивной лингвистики (Р. Лангакер, Дж. Лакофф), культурно-семиотических подходов (Ю.М. Лотман, М. Элиаде) и современные принципы лингвоархеологического анализа. В археологической части используется типология конструктивных признаков вооружения (А.Х. Хазанов, Т. Барфилд), адаптированная для лексикологических сопоставлений.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов при составлении специализированных словарей, баз данных и лингвистико-археологических каталогов, в разработке электронных конкордансов, а также при музейной атрибуции предметов вооружения. Разработанная методика может быть использована в преподавании исторической лексикологии, сравнительного языкознания и культурной антропологии.

Научная значимость исследования состоит в том, что впервые создана верифицируемая модель соотнесения языковых и археологических данных, что позволяет использовать лингвистическую информацию для уточнения историко-культурных реконструкций. Введение многоуровневой типологии и стандартизированных критериев сопоставления повышает объективность анализа и создаёт основу для последующей цифровой интеграции данных. Теоретические результаты исследования могут быть использованы для уточнения классификаций вооружения, реконструкции военной терминологии в праязыковой перспективе, а также для описания закономерностей формирования межъязыковых эквивалентов и заимствований в сфере военной лексики.

Особое внимание в работе уделено анализу ключевых терминов — *көбе*, *қалқан*, *нөкер*, *олжа*, отражающих различные функциональные и семантические пласты системы. На их примере прослеживаются закономерности перехода от конкретно-предметного к абстрактно-символическому значению, взаимодействие утилитарных и ритуальных функций, а также механизмы устойчивости и изменения значений в условиях культурных контактов.

В структурном отношении исследование охватывает три уровня анализа:

1. Источниковедческий — сбор и описание лингвистических и археологических данных, унификация транслитерации и терминологии.

2. Типологический — построение пятичленной функционально-семантической структуры терминов вооружения.

3. Верификационный — проверка соответствий «термин ↔ артефакт» с использованием четырёх критериев и присвоением категории уверенности.

В совокупности указанные подходы позволяют перейти от статического описания к динамической модели, где лексическая система рассматривается как отражение реальных технологических и культурных изменений. Научная достоверность исследования обеспечивается репрезентативностью источников, применением многокритериальной проверки данных, сопоставлением независимых дисциплинарных свидетельств, а также прозрачностью процедур документирования и фиксации аргументации.

Таким образом, исследование направлено на создание целостной концепции лексико-семантической типологии терминов вооружения, которая объединяет язык и материальную культуру в единую систему доказательных соответствий. Выработка верификационной процедуры и формализация критериев сопоставления позволяют перейти от традиционной

этимологической описательности к проверяемой аналитике, где каждая лексема рассматривается не как произвольный знак, а как эмпирическая гипотеза о действии и конструкции.

Обзор литературы

Современные исследования военно-всаднической материальной культуры евразийских степей формируют междисциплинарный контур, объединяющий археологию, историческую антропологию и лингвистику.За последние годы существенно обновлена источниковая база по седельно-стременному комплексу, элементам упряжи и оружейному инвентарю, что позволяет рассматривать лексико-семантические соответствия в тесной связи с конструктивными и функциональными данными.

В исследовании Д. Баярсайхана и соавт. (Bayarsaikhan et al. 2024) представлена находка рамочного седла и железного стремени в западной Монголии, что уточнило датировку формирования устойчивого комплекса «седло — стремя — удила» и позволило задать хронологические и морфологические параметры ранней верховой технологии. Эти результаты стали реперной точкой для последующих сопоставлений терминов, связанных с конской амуницией, и для уточнения семантических границ соответствующих лексем. По линии дистанционного вооружения и «процедурной» лексики (удар, натяжение, укол) показателен труд Р. Садыкова и соавт. (Sadykov et al. 2024), в котором типологизированы наконечники стрел, тетивные узлы и колчанные системы Центральной Азии. Эти данные создают материальную основу для реконструкции древнетюркских и монгольских глагольных гнёзд со значениями действия и усилия (типа *tïr-* — «натягивать», *at-* — «стрелять»). Независимое подтверждение обеспечили денто- и остеотрасологические исследования следов верховой езды, в которых зафиксированы диагностические микропризнаки ношения удил (Taylor et al. 2021). В совокупности они укрепляют верификацию терминов, связанных с управлением лошадью, в археолингвистическом анализе. На материале ногайлинско-казахского героического эпоса вопросы терминологической атрибуции стрел-джебе детально рассмотрены в исследовании У.М. Агатая, Ж.М. Сабитова и Н.А. Досымбетова (Агатай и др. 2023). Авторы показали, что фольклорные описания типов стрел (оқ, жебе, қасалақ и др.) демонстрируют высокую корреляцию с археологическими находками и письменными источниками, что делает эпос ценным источником по реконструкции военно-культурного наследия тюркских народов Евразии.

Региональные типологии элементов упряжи (Chechushkov et al. 2020) позволили выявить морфометрические и конструктивные маркеры раннесредневековых (VI—IX вв.) пластинчатых щёчек (псалиев) Восточного Казахстана и проследить их эволюцию от кожаных и роговых к металлическим вариантам. Эта серия обеспечивает прямые материальные референты для лексем, обозначающих детали поводьев и уздечных креплений в тюркских и монгольских языках. Для холодного оружия наиболее представительным является статистико-морфологический анализ клинков из савромато-сарматских комплексов Западного Казахстана, задающий воспроизводимую типологию конструктивных элементов — клинка, обуха, перехвата, навершия. Эта база используется как сравнительный эталон для сопоставления тюрко-монгольских терминов, обозначающих мечи, сабли и топоры, с археологическими данными. С точки зрения лингвистического анализа, важным направлением остаётся изучение военно-административной лексики монгольских хроник позднесредневекового периода (Rykin 2023). Этимологическая реконструкция глагольных и номинативных рядов (aγuraγ «военный лагерь», bayirildu — «сражаться», čaγuraγul — «посылать в поход») показывает устойчивость структурных моделей и ареальные взаимодействия монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских элементов. Эти данные принципиальны для корректного разграничения прямых номинаций и метафорических

употреблений военной лексики. Комплекс исследований по ранней верховой технологии, трасологическим признакам эксплуатации, региональным типологиям вооружения и филологическим реконструкциям военно-организационной лексики формирует согласованную междисциплинарную основу для лексико-семантической типологии тюрко-монгольского ареала. Археологические находки обеспечивают эмпирическую верификацию номинаций, остеологические и морфологические данные — функциональную привязку, а лингвистические источники – семантическое и этимологическое уточнение. Взаимная корреляция этих направлений задаёт воспроизводимую методологическую схему, в которой лексемы рассматриваются как культурно-технологические индикаторы, отражающие не только материальные формы оружия, но и когнитивно-ценностную структуру воинской культуры евразийских степей.

Методы исследования

Исследование выполнено с использованием сопоставительного, историко-лингвистического и семантического анализа. Материалом послужили тюркские и монгольские языки, представленные в шести ареалах: казахском, киргизском, карачаево-балкарском, каракалпакском, башкирском и монгольском. В сравнительный ряд включены 16 терминов, обозначающих основные виды вооружения и военной амуниции, в том числе *қылыш, найза, садақ, жебе, сауыт, қалқан, көбе, нөкер, олжа* и другие. Сопоставление проводилось по таблице межъязыковых параллелей, отражающей структурные, фонетические и семантические соответствия между формами.

Анализ лексем выполнялся на основе письменных источников и этимологических сводов: Codex Cumanicus, «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари, «Древнетюркского словаря», работ Л.З. Будагова, Л.Т. Махмутовой, Р.Г. Ахметьянова и Б.Я. Владимирцова. Каждая единица исследовалась по параметрам формы, контекста употребления, семантической функции и геолингвистической дифференциации. Особое внимание уделялось древним фиксациям и их соотнесению с современными формами в тюркских языках.

Для унификации анализа все разнографичные источники были приведены к единой транслитерации, а варианты сведены к базовым леммам. Фонетические различия оценивались по регулярным соответствиям согласных и гласных. При этом фиксировались закономерные чередования начальных и медиальных звуков (к/къ/х, ж/й/з), редукции финалей и особенности суффиксального оформления. Эти признаки использовались как аргумент в пользу общности происхождения или, напротив, вторичного заимствования.

Этимологический анализ проводился по принципу приоритета древней фиксации и морфологической мотивированности. Так, для лексемы *көбе* подтверждено древнекыпчакское происхождение и значение «кольчужный доспех», зафиксированное в *Codex Cumanicus* и у Кашгари. Термин *қалқан* соотнесён с монгольским *халхавч* и восходит к корню *хага-* — «прикрывать, закрывать», что позволяет рассматривать его как монгольское заимствование, укоренившееся в тюркской среде. Слово *нөкер* демонстрирует регулярную параллель с монгольским *нөхөр* — «товарищ, спутник»; при этом в тюркских языках семантика сдвинулась в военную сферу — «воин, дружинник». Лексема *олжа*, зафиксированная в *Codex Cumanicus* как *олжа*, сопоставляется с монгольским *олз* и восходит к корню *ол-* — «найти, добыть».

Семантическая интерпретация проводилась на основе контекстного анализа: изучались устойчивые словосочетания, указывающие на функциональные связи слова с предметной областью (*сауыт ки-, қалқан тос-, жебе ат-, олжа алу*). Это позволило выделить три функциональные группы: наступательные, оборонительные и ритуально-статусные термины. Переход отдельных слов из предметной в абстрактную сферу трактовался как процесс метафоризации или ритуализации.

Для проверки достоверности межъязыковых сопоставлений применялся комплекс объективных критериев. Семантический критерий подтверждал совместимость значения с обозначаемым объектом; конструктивный критерий фиксировал совпадение описанных признаков с археологическими данными (например, описание кольчужного доспеха для *көбе*); хронологический критерий обеспечивал синхронность письменных и культурных свидетельств; ареально-культурный критерий учитывал реальное взаимодействие тюркских и монгольских ареалов. По степени выполнения критериев определялись категории достоверности: высокая (A), вероятная (B) и гипотетическая (C).

Сравнительный материал анализировался с учётом системных связей внутри каждой языковой группы. Внутритюркские соответствия рассматривались отдельно от межсемейных, что позволило выделить собственно общетюркские архаизмы и более поздние монгольские заимствования. При расхождении толкований приоритет отдавался ранним источникам XI—XIII вв. В случаях конкуренции нескольких этимологических версий фиксировались обе гипотезы с указанием степени вероятности. Систематизация данных завершалась распределением терминов по функционально-семантическим классам и установлением направлений семантических сдвигов. Для архаичных единиц (*қылыш, найза, сауыт, қалқан*) отмечена высокая устойчивость формы и значения; для терминов социально-ритуального ряда (*нөкер, олжа*) выявлены признаки метафоризации и расширения смыслового диапазона.

Все выводы опираются на документированные источники и контролируются межъязыковыми и хронологическими корреляциями. Такой подход позволил выстроить лексико-семантическую типологию терминов вооружения как систему, отражающую историческую эволюцию военной лексики в тюрко-монгольском ареале.

Результаты

Проведённый сравнительно-исторический и лингвокультурологический анализ подтверждает, что военная терминология тюрко-монгольского ареала образует устойчивую систему, отражающую как типологическое единство материальной культуры, так и когнитивные особенности воинского мировоззрения степных сообществ. Исследование опиралось на принципы исторической реконструкции, лексикостатистического сопоставления и семантического моделирования; источниковая база включала орхоно-енисейские надписи и древнеуйгурские тексты, — а также эпиграфику VIII—XIII вв., средневековые хроники и современные лексикографические корпуса.

Для проверки сопоставлений применялась четырёхкритериальная верификация, объединяющая: семантический компонент (установление прямых и переносных значений в контексте), конструктивный компонент (соотнесение лексем с конкретными предметами вооружения по археологическим признакам), хронологический компонент (учёт времени появления и устойчивости формы) и ареальный компонент (пространственное распространение и характер контактных зон). Такой подход позволил избежать формального фонетического сближения и выявить реальные типологические и этимологические связи. Исходная гипотеза о военной лексике как «жёстком ядре» лексикона — наиболее устойчивом слое, менее подверженном изменениям по сравнению с бытовой и абстрактной лексикой, получила эмпирическое подтверждение.

В рамках сопоставительного анализа выполнена сплошная выборка военных терминов из письменных источников и фольклора и составлена обобщённая таблица межъязыковых соответствий, предназначенная для демонстрации фактического распределения фонетических, морфологических и семантических параллелей между тюркскими и монгольскими формами.

Таким образом, таблица (табл. 1) не только фиксирует фонетические и семантические закономерности, но и задаёт основу для рассмотрения конкретных терминов,

демонстрирующих внутреннюю эволюцию военной лексики. Таблица демонстрирует устойчивость фонетических соответствий и близость семантических моделей: во всех шести языках ядро лексики сохраняет древние корни и морфемную структуру. Ряд терминов показывает полный параллелизм (*найза – жад; дулыға – дуулга*), тогда как отдельные расхождения (*сауыт – зэр-зэвсэг*) объясняются семантическим расширением и ареальными сдвигами. В совокупности наблюдаемые закономерности подтверждают тезис о стабильности «ядерного» комплекса военной терминологии и о системном характере её межъязыковых соответствий. Показательным примером внутри этого комплекса служит лексема *көбе*, позволяющая проследить переход от бытового обозначения к специализированной военной номинации.

Көбә представляет собой тип защитного вооружения, зафиксированный в большинстве тюркских языков и восходящий к единому прототипу, обозначавшему «*плотную одежду, защищающую тело*». Этимологический и семантический анализ показывает, что эволюция термина происходила от обозначения бытовой одежды к специализированному значению *«доспех, кольчужная рубаха»*. В древнетюркских памятниках, включая Codex Cumanicus и Диван лугат ат-тюрк Махмуда Кашгари, слово фиксируется в форме *күбә*, чётко соотнесённой с военной семантикой (Махмутова 1982: 116; Кашгари 1963: 236). Как отмечает Л.Т. Махмутова, в Codex Cumanicus лексема *күбә* функционирует в значении *«доспех»*, сохраняя материальную привязку к металлическому защитному снаряжению (Махмутова 1982: 116). Р.Г. Ахметьянов, сопоставляя данные средневолжских тюркских диалектов, выводит формы *күбә / купә* как древнекыпчакские рефлексы «*доспех*», а также указывает на диалектное татарское *көбә* со значением «вязаная купайка». В качестве исходного семантического пласта он выделяет древнетюркское *купик* — «*одежда, сшитая из двух слоёв ткани с прослойкой из ваты или пуха*», связывая этимологию с глаголом *күп-* «шить, нашивать» (Ахметьянов 1988: 115).

Исследователи подчёркивают, что данная морфема выражает идею *покрытия, наложения или нашивки*, что коррелирует с конструктивным принципом кольчужного доспеха, при котором металлические кольца последовательно нашиваются на текстильную основу (Ахметьянов 1988; Махмутова 1982). В Древнетюркском словаре приведено устойчивое сочетание *kübä jarïq* – «кольчужный доспех» (ДС 1969: 322), соответствующее форме *күбә јаруқ* в Диване Махмуда ал-Кашгари (Кашгари 1960: 413; 1963: 396).

Диахронический анализ и археологические данные XI—XIV вв. (находки в ареале кыпчакских курганов и воинских погребений) подтверждают эту корреляцию: доспех-рубаха постепенно вытесняет ламеллярные и пластинчатые формы, становясь ключевым элементом оборонительного комплекса степных обществ. В современном казахском и башкирском языках лексема *көбе* сохранила значение «доспех», что демонстрирует преемственность культурной традиции и устойчивость термина в коллективной памяти тюркского мира.

Қалқан относится к числу базовых номинаций оборонительного вооружения и имеет наиболее широкое распространение среди лексем тюркско-монгольского военного фонда. В древнетюркских памятниках слово фиксируется как *қалқан* со значением *«щит из дерева, кожи или металла, предназначенный для отражения стрел и ударов»* (ТТАС 1978: 31). Сопоставление с монгольским *халхавч* выявляет общие корни в значении *«покров, прикрытие»,* что свидетельствует о древнем контакте и возможной двусторонней адаптации. В тюркских языках развились несколько семантических ветвей: прямое значение «щит, защита», переносные употребления «*опора, заслон»,* а также метафорические модели в духе «*қалқан болу» — «быть защитой*». Такое расширение показывает, что военная лексика постепенно интегрировалась в систему социальных и этических метафор, отражающих коллективные представления о защите, верности и долге (Кашгари 1960: 413; 1963: 396). В киргизском языке слово *қалқан* демонстрирует переходные значения *«шлем»* и *«укрытие»,* что указывает на сдвиг от конкретного предмета к понятию функциональной защиты. В башкирском и татарском языках сохраняются оба слоя — буквальный и образный. В целом

анализ показывает, что қалқан — одна из ключевых единиц, стабильно присутствующих в тюркских языках на протяжении более тысячи лет, обладающая полной корреляцией с монгольским соответствием и подтверждающая общую архаическую основу оборонительной терминологии степных народов.

Такое устойчивое функционирование термина в тюркской среде находит прямые параллели и в монгольском ареале, где аналогичная лексема развивает сходный семантический спектр и подтверждает единые когнитивные основания понятия «защиты» (*Татар теленең кыскача тарихи этимологик сүзлеге*, 88).

В монгольских языках родственный корень *халх-* охватывает широкий семантический диапазон от «*щита»* и *«крыши»* до «*перегородки» и «укрытия*». В бурятском языке глагол *халхавах* означает «прикрывать, защищать», а существительное *халхавч* — «*щит, заслон*». Такая регулярность семантических соответствий указывает не на простое заимствование, а на общее типологическое сходство, сформированное в рамках единого понятийного поля «*покрывать — защищать*». Это поле выступает концептуальным ядром, объединяющим и тюркские, и монгольские языковые системы, где лексема *қалқан / халхавч* выполняет идентичные функции в обозначении оборонительных действий и средств защиты.

Археологические материалы Центральной Азии, сопоставленные с письменными источниками, подтверждают существование разнообразных типов щитов, различающихся по форме, материалу и конструкции: круглые и прямоугольные, плоские и выпуклые, с центральным умбоном либо с перекрёстной рукоятью. Такие варианты документированы для памятников Семиречья, Южной Сибири и Монголии и хорошо коррелируют с широтой распространения соответствующих номинаций в тюркских и монгольских традициях (Горелик, 1993; Хазанов, 1971). В древнетюркских текстах лексема *қалқан* засвидетельствована в явно военных контекстах и описывается как «щит, средство защиты» (ДС 1969: 322; Clauson 1972), при этом корпусные наблюдения по древне- и среднетюркским памятникам показывают устойчивые сочетания с глаголами значения «держать/прикрывать/отражать», что демонстрирует жёсткую связь формы и функции (тип *қалқан тут-/тұт-* «*держать щит», тос-* «*отражать, прикрывать*») (Tekin 1968; ДС 1969: 322). Анализ лексических контекстов указывает, что *қалқан* — одна из немногих ключевых единиц вооружения, где сохраняется полное соответствие между предметным и смысловым планом: базовое значение ‘щит’ не подверглось метафорическому распаду и удерживает исходную конкретику при расширении ареала употребления (Clauson 1972; ДС 1969: 322; Горелик 1993).

Таким образом, *қалқан* представляет собой лексему с высокой степенью семантической и конструктивной стабильности. При этом вариативность фонетической формы (qalqan, qalqaŋ, калкан, халхавч) свидетельствует о длительных процессах межъязыкового влияния в зоне тюрко-монгольского билингвизма. По критериям достоверности данная единица относится к уровню B — смысловая и функциональная идентичность подтверждена, хотя фонетическая линия показывает следы адаптации.

Следующим этапом анализа выступает переход от терминов материальной культуры к обозначениям социальных институтов воинского сословия, к числу которых относится лексема *нөкер*.

Нөкер — лексема, имеющая многочисленные общетюркские и монгольские параллели, характеризующиеся незначительными фонетическими вариациями: тат. нөгәр; каз., қ.-қалп. нөкер; кирг. нөкөр; ср.-*монг.* nökür; монг. *нөхөр*. В трудах тюркологов представлены различные подходы к определению её этимологии и ареального происхождения. Л.З. Будагов приводит формы қырғ. нөгәр и монг. нукур (Будагов 1871: 296), отмечая персидское происхождение слова. Этой точки зрения придерживалась и Л.Т. Махмутова, исследовавшая лексику татарского языка в связи с древним памятником Codex Cumanicus: она указывает татарское нөгәр как заимствование из персидского нӧгӓр (Махмутова 1982: 121). Вероятно, исследовательница опиралась на данные словаря Л.З. Будагова, где также отмечено

персидское посредничество. Однако последующие сравнительно-исторические исследования показали, что данная форма, напротив, была заимствована из монгольских языков в персидский, а не наоборот (Владимирцов 1934; Clauson 1972).

Семантическое поле в тюркских языках демонстрирует сложную структуру, варьирующую от военно-служебной до социально-ритуальной лексики:

1. тат., қ.-қалп., КТС — «воин» (у В.В. Радлова – «солдат, военная дружина»);
2. тат., каз., кирг. — «слуга (телохранитель) феодала, хана или батыра»; в КТС — «соратник, союзник, боевой товарищ»;
3. кирг. — «правая рука (князя)»;
4. кирг. — «титул жены или дочери хана»;
5. тат. — «друг жениха, сопровождающий его на свадьбе».

В монгольских языках семантический диапазон иного характера, хотя исторически связан с предыдущим пластом:

1. монг. — «товарищ, друг, спутник»;
2. бур. — «друг, гражданин»;
3. монг., калм. — «мужчина»; бур. — «муж, спутник»;
4. бур. — «жена, супруга».

Современные словари и энциклопедические источники фиксируют монгольское происхождение термина, при этом в монгольских языках значение слова сосредоточено вокруг семантики «близкого, надёжного человека, друга», что обусловило его широкое бытовое употребление. В тюркской же среде семантика подверглась сдвигу в сторону военного контекста: значение «воин, военный слуга, дружинник» стало доминирующим. Отсутствие развитой системы производных форм или их крайне ограниченное количество также подтверждает заимствованный характер лексемы. Широкое распространение слова нөкер в различных тюркских языках и устойчивость его основных значений указывают на древность происхождения данной единицы. Согласно Б.Я. Владимирцову, у монголов этот термин обозначал «свободного воина, давшего обет служить своему вождю» (Владимирцов 1934: 87). В тюркских народах термин приобрёл значение «воин, военный слуга». В Советской исторической энциклопедии уточняется, что нөкеры — это приближённые и верные люди, сопровождавшие вождей родов и племён в период распада родоплеменного строя и становления феодальных отношений в Монголии (СИЭ 1971: 9, 640).

Переход от *нөкер* как маркёра служебно-иерархических отношений к *олжа* как номинации распределения победы отражает сдвиг от институционально-социальной семантики к ритуально-ценностной. Лексема *олжа*, широко засвидетельствованная во всех тюркских языках и имеющая прямую монгольскую параллель *олз* («добыча, трофей, прибыль, находка»), подтверждается ранними фиксациями — в том числе формой *олча / олҗа* в Codex Cumanicus — и богатой деривацией, приведённой у В.В. Радлова (*олҗа, олҗо, олза, олжала-, олжалы*) (Ligeti 1975; Радлов 1893: 512; 1911: 378). Дискуссия о направлении заимствования — монгольское происхождение у Е.В. Севортяна против тюркской версии у Б.Я. Владимирцова сводится к интерпретации общего корня *ол-* «*находить, добывать*». Наличие тюркской формы *олжала-* с суффиксом действия -ла демонстрирует внутреннюю словообразовательную активность и допускает двунаправленное распространение (Севортян 1974; Владимирцов 1934). Культурно-семантическое ядро термина связано с концептом «военной удачи»: в эпосе *олжа* обозначает не только материальный трофей, но и символ воздаяния и доблести. Современные переносные употребления (*олжа болу* — «принести удачу», *үлкен олжа* — «большая удача, успех») сохраняют позитивную коннотацию исходного значения (Радлов 1893: 512; 1911: 378; Clauson 1972). По системе верификации *олжа* также относится к категории С: прямого предметного коррелята нет, однако социально-ритуальная функция надёжно подтверждается письменными и этнографическими источниками.

Итоговая типология достоверности, построенная по четырём критериям — семантическому, конструктивному, хронологическому и ареально-культурному — выявляет трёхуровневую стратификацию военной лексики. К уровню А относятся единицы с полным совпадением формы, функции, хронологии и ареала — «*ядерный слой*» системы, напрямую коррелирующий с материальными комплексами (найза, жебе, дулыға, көбе) (ДС 1969; Горелик 1993). Уровень В образуют лексемы с частичным расхождением – конструктивной вариативностью или межъязыковым влиянием при сохранении функционального ядра (*қылыш, қалқан, айбалта, пышақ*) — «зона контакта» вторичных переосмыслений (Clauson 1972; Хазанов 1971). Уровень С объединяет социально-символическую лексику без прямого предметного референта, но с устойчивой институциональной и ценностной нагрузкой (*нөкер, олжа, иногда сауыт* в обобщённом значении «экипировка»), фиксируя переход от материальной номинации к социальным и ритуальным функциям (Владимирцов 1934; Rykin 2023). Такая стратификация упорядочивает корпус терминов по степени верифицируемости и отражает внутреннюю динамику системы: от предметной конкретики — к институциональной роли и далее к символическому коду культуры, где оружейная лексика становится языком статуса, доблести и справедливого воздаяния.

Проведённый сравнительно-исторический и типологический анализ позволяет выделить три ключевые линии эволюции военной лексики тюрко-монгольского ареала: *функциональную преемственность, семантическую дивергенцию и культурную трансформацию*. Первая линия отражает стабильность номинаций, непосредственно соотнесённых с материальными объектами вооружения: лексемы *найза, жебе, дулыға, айбалта, пышақ* демонстрируют минимальные фонетические колебания и сохраняют семантическое ядро на протяжении столетий; их предметная референция подтверждается археологическими данными (наконечники копий и стрел, шлемы, топоры, ножи), что закрепляет данный пласт как «жёсткое ядро» терминологии. Вторая линия – *семантическая дивергенция* характеризуется расширением и переразметкой значений при сохранении морфемной базы (*сауыт* → «панцирь/экипировка», *қалқан* → «щит/покров/опора», *нөкер* → «дружинник/соратник/друг»), отражая межъязыковые контакты и адаптацию к меняющимся социально-военным реалиям. Наконец, третья линия — *культурная трансформация* фиксирует выход терминов в символическую сферу (*олжа* как маркер воздаяния и удачи; *көбе* как метафора стойкости; переносные употребления *қорамсақ, сауыт, дулыға*), где военная лексика утрачивает узкую предметность и начинает обслуживать ценностные и ритуальные коды традиционной культуры. В совокупности эти три траектории показывают как устойчивое «ядро» поддерживает системную преемственность, тогда как периферийные и переходные зоны обеспечивают гибкость и «живучесть» лексикона в длительной исторической перспективе.

Развернутое описание второй линии — *семантической дивергенции* — охватывает лексемы *сауыт, қалқан, сауыт-көбе, нөкер*, в которых фиксируется смещение значения при сохранении морфемной основы и общей идеи защиты/служения. Так, *сауыт* первоначально обозначал «доспех, панцирь», но в ряде языков приобрёл обобщённое значение «одежда, экипировка», утратив прямую военную привязку; у монголов сходная динамика наблюдается у *зэр-зэвсэг*, перешедшего от «оружие» к «снаряжение, инструменты». *Қалқан* эволюционировал от конкретного «щита» к метафорическому «прикрытию/опоре» (*қалқан болу* — «быть защитником»), отражая социальное расширение значения. *Нөкер* демонстрирует трансформацию институционального термина: от «воина-дружинника» к «соратнику» и далее к «товарищу/спутнику» как в монгольском (*нөхөр* — «друг, супруг»), так и в тюркских языках. Подобные сдвиги маркируют процессы демилитаризации и гуманизации военной лексики, характерные для постимперского периода.

Третья линия — *культурная трансформация* — охватывает термины, выходящие за пределы материального обозначения и закрепляющиеся в области символического языка. Сюда относятся *олжа, көбе* и ряд вторичных номинаций (*қорамсақ, сауыт, дулыға* в

переносных употреблениях). В эпосе и песенной традиции *олжа* выступает не только как «добыча», но и как метафора заслуженной награды, символ доблести и благословения; в современном казахском устойчивы выражения типа *үлкен олжа* – «большая удача», свидетельствующие о непрерывности образа. *Көбе*, утратив прямую предметность, функционирует как символ духовной неприступности и внутренней стойкости, типологически соотносясь с архетипом «панциря души» в поэтике степи. Тем самым линия культурной трансформации фиксирует переход военной лексики из утилитарной сферы в область морально-этических категорий и ценностных сценариев коллективной памяти.

Региональный анализ выявил диалектную и ареальную дифференциацию. Центрально-кипчакская зона (Казахстан и Средняя Азия) сохраняет наибольшую плотность архаизмов: найза, жебе, сауыт, қалқан, көбе, нөкер, олжа функционируют в устойчивых морфологических формах (Радлов 1893: 512; 1911: 378; Clauson 1972). Казахский и каракалпакский языки демонстрируют почти полное совпадение фонетических структур, что указывает на их происхождение из общего кыпчакско-ногайского источника (Clauson 1972; Севортян 1974: 215; 2003: 184). Лексемы этих групп активно функционируют в героическом эпосе («Қобыланды батыр», «Алпамыс»), что подтверждает непрерывность культурной традиции (Кумеков 1972; Ауэзов 1985).

Южная зона (карачаево-балкарский и башкирский языки) характеризуется процессами упрощения и семантического слияния. Формы *сүкмар* и *чокъмар* восходят к древнетюркскому *шоқпар*, но приобретают значение «боевой дубины» и «тяжёлого оружия ближнего боя» (Радлов 1893: 512; 1911: 378; ДС 1969). Башкирское һайман, происходящее от сауыт, расширило смысл до «инструмента, вещи», фиксируя утрату специфически военного значения (Ахметьянов 1988). При этом в южных диалектах сохраняются отдельные архаические фонетические признаки (ҡылыҫ, дулғы), что отражает раннюю дифференциацию от центрального массива (Баскаков 1962; Ахметьянов 1988). Восточная зона (монгольский язык и близкие диалекты) демонстрирует параллельное развитие при сохранении семантического ядра. Фонетические изменения (дуулга < дулыға, саран сүх < айбалта) не нарушают структурной преемственности: значение остаётся идентичным, а аналитическая форма компенсирует редукцию морфем (Владимирцов 1934; Rykin 2023). Для монгольской лексики характерна тенденция к обобщению: зэр-зэвсэг охватывает всё вооружение, халхавч – любой защитный предмет, олз – материальную и символическую добычу (Владимирцов 1934). Сопоставление тюркских и монгольских рядов показывает, что, несмотря на длительное автономное развитие, обе системы сохранили общие принципы организации – морфемную двучленность, устойчивые фонетические корни и типологическую взаимосвязанность функций (Clauson 1972; Севортян 1974: 215; 2003: 184).

Итоговое наблюдение подтверждает, что военная терминология тюрко-монгольского ареала представляет собой не случайный набор заимствований, а структурно организованную систему с единым семантическим полем, где каждая лексема несёт как материальное, так и культурно-символическое значение (Хазанов 1971; Горелик 1993). Её внутренняя иерархия отражает сложный баланс между предметной конкретикой и абстрактной репрезентацией социальных и этических категорий, что указывает на глубинную связь языка с культурными механизмами воспроизводства воинских представлений (Барфилд 1992; Владимирцов 1934).

Археолингвистическое сопоставление подтверждает прямые корреляции между словарными единицами и конкретными типами вооружения, выявленными в археологических комплексах Евразийских степей. Так, остатки кольчужных панцирей XI—XIII вв. из Центрального Казахстана и Нижнего Поволжья соотносятся с лексемой көбе, традиционно описываемой в источниках как «кольчужная рубаха» (ДС 1969: 322; Махмутова 1982). Сочетание көбе ~ сауыт, зафиксированное в письменных памятниках, отражает не тавтологию, а таксономическую градацию: первое обозначает конструктивную форму, второе — родовую категорию доспеха (Кашгари 1960: 413; 1963: 396; ДС 1969: 322;

Ахметьянов 1988). Наступательный комплекс реконструируется столь же надёжно: *найза* подтверждается сериями втульчатых железных наконечников длиной порядка 15—25 см (Горелик 1993); пара *садақ ~ жебе* (лук ~ стрела) типологически совпадает с монгольским *сахадаг ~ нум/сум*, что документируется и в хрониках XIII в. (Владимирцов 1934). Термин шоқпар имеет археологические параллели в виде каменных и железных наверший булав раннетюркского периода; в южных кыпчакских ареалах его фонетические рефлексы (сүкмар, чокъмар) сохраняют морфологическую структуру и функциональную специфику исходной лексемы (ДС 1969: 322; Радлов 1893: 512; 1911: 378). Защитный блок (қалқан, дулыға, сауыт) подтверждён находками круглых деревянных щитов с металлическими умбонами и железных шлемов, а также их иконографическим отражением в балбалах (Горелик 1993; Хазанов 1971). Показательно, что дулыға в ряде контекстов получает метафорическую нагрузку — «покров чести», фиксируя раннюю стадию символизации предметной семантики и её переход в морально-этическую плоскость (Кашгари 1960: 413; 1963: 396; Радлов 1893: 512; 1911: 378).

Социально-ритуальный компонент системы также имеет материальные корреляты. Институт нөкер — личной дружины при хане репрезентируется в погребальных композициях с оружием и сопровождающими захоронениями, а олжа маркирует практику распределения трофеев и символического воздаяния (Владимирцов 1934; СИЭ 1971: 245). Эта лексема, будучи ключевой для описания принципа воинской справедливости, объясняет как её высокую текстовую частотность, так и устойчивость в пословицах и героическом эпосе (Радлов 1893: 512; 1911: 378; Ауэзов 1985).

Таким образом, совокупность данных демонстрирует, что военная терминология тюрко-монгольского ареала представляет собой многоуровневую систему, в которой лексемы, артефакты и культурные смыслы образуют единую знаковую структуру, связывающую материальную культуру степи с её ментальными и этическими кодами (Хазанов 1971; Барфилд 1992; Горелик 1993).

Суммируя междисциплинарные данные, можно говорить о трёхуровневой модели бытования военной лексики. На археологическом уровне фиксируется предметная конкретика (көбе, найза, садақ, қалқан, дулыға); на социальном уровне — институциональные смыслы и практики статуса/распределения (нөкер, олжа); на символическом — устойчивые метафоры защиты и доблести (сауыт, қалқан, көбе в поэтике). Эти уровни не изолированы: они образуют согласованную типологическую систему, через которую язык кодирует «модель воина степи» как технологический, социальный и ценностный феномен.

Корпусная проверка диахронной устойчивости, основанная на более чем шести тысячах контекстов (древнетюркские памятники, средневековые хроники, эпос, современный фольклор шести языков), выявила компактное частотное ядро, распределённое межжанрово и межъязыково. Наиболее частотные термины — қылыш, найза, садақ, қалқан, сауыт, дулыға, а также социальные маркеры нөкер и олжа формируют «каркас» дискурса: первые шесть единиц аккумулируют свыше двух третей всех употреблений, демонстрируя минимальные фонетические колебания и слабую жанровую зависимость. Статистическая кластеризация совместной встречаемости выделяет три устойчивых смысловых блока: атакующий (қылыш, найза, садақ, жебе, шоқпар, айбалта, пышақ), связанный с глагольно-действенной рамкой и эпическими формулами «вынул меч — натянул лук — пустил стрелу»; защитный (қалқан, сауыт, көбе, дулыға), тяготеющий к лексике стойкости и оберега и активно метафоризирующийся в поэзии; социальный (нөкер, олжа, частично сауыт, қорамсақ), конденсирующий организационно-ритуальные смыслы и ценностные коннотации («олжа болу» в значении «успех, удача»).

С учётом этих данных лексикон вооружения демонстрирует чёткую ядерно-периферийную стратификацию. Ядро образуют короткие, морфемно простые и межъязыково универсальные формы с богатой деривацией — қылыш, найза, садақ, қалқан, сауыт, дулыға;

они коррелируют с артефактами, устойчивы диахронно и формульны в эпосе. Периферию составляют единицы с ограниченной распространённостью или со сдвигом значения — нөкер, олжа, қорамсақ, көбе, айбалта; их современная активность неоднородна: где-то формы архаизуются (қорамсақ), где-то сохраняют ритуально-поэтическую жизнь (көбе), а социальные термины переопределяются историческим контекстом (нөкер). Между ядром и периферией лежит переходная зона: так, пышақ сохраняет древнюю военную коннотацию в текстах, но в современной норме функционирует как бытовой инструмент.

Этимологическая реконструкция уточняет направления контактной диффузии. Ряд ключевых номинаций — қылыш, найза, садақ, жебе, шоқпар, сауыт, дулыға восходит к древнетюркскому фонду и уже фиксируется орхоно-енисейскими памятниками; эти формы характеризуются широкой обще-тюркской распространённостью, минимальными фонетическими расхождениями и типовыми морфологическими схемами. Параллельно прослеживается монгольский вклад: нөкер, олжа, халхавч (в зоне соответствий с қалқан), сахадаг (в паре к садақ), зэр-зэвсэг (в отношении к сауыт) иллюстрируют двунаправленные процессы заимствования и калькирования, особенно интенсивные в XIII—XIV вв. В ряде случаев наблюдается не узкое заимствование, а контактная интеграция: монгольские формы фонетически адаптируют тюркское ядро (дуулга < дулыға; сахадаг ~ садақ), сохраняя семантическую инвариантность. В целом картина объясняется не «перетоком» готовых слов, а длительной конвергенцией терминологий внутри единого военно-технологического комплекса.

Синтаксико-поэтическое поведение терминов подтверждает их включённость в ритуально-нативные структуры. Эпические формулы типа «қылышын суырып, сауытын киіп, қалқанын тосып, жебесін атып, дуулығасын киіп» задают канон последовательности воинских действий и транслируются межжанрово. На поздних этапах фиксируется системная метафоризация: «қалқан болу» обозначает морально-социальную защиту, «олжа болу» — успех и благоволение судьбы, «сауыттай сабыр» — эталон стойкости. Тем самым проявляется сдвиг от утилитарного к этическому: оружейная лексика становится языком ценностных норм и коллективной памяти.

Семантическая иерархия организована вокруг архетипа ер — героя-защитника: защитные номинации (сауыт, қалқан, көбе, дулыға) репрезентируют телесную и духовную оборону; атакующие (қылыш, найза, садақ, шоқпар, айбалта) — контролируемое действие и инициативу; социальные (нөкер, батыр, сарбаз) — структуру служения и иерархии; ценностные (олжа наряду с абырой, намыс) — воздаяние и честь. Внутри этой иерархии қалқан выступает универсальным символом опоры и ответственности, қылыш и найза – метонимии активного начала, сауыт и көбе — модели внутренней дисциплины, а олжа — знак справедливого результата.

В итоге подтверждается ряд ключевых положений. Во-первых, военная лексика тюрко-монгольского ареала — устойчиво организованная система с ядром и периферией, верифицируемая археологически, текстологически и статистически. Во-вторых, наиболее стабильные номинации — қылыш, найза, садақ, қалқан, сауыт, дулыға демонстрируют долговременную семантическую инерцию и присутствуют во всех исследованных языках. В-третьих, вторичный слой — нөкер, олжа, көбе фиксирует социокультурные трансформации: переход от инструментальной функции к символико-этической и феодализацию институтов служения и добычи. В-четвёртых, контактные связи двунаправленны: помимо прямых заимствований имела место семантическая коэволюция терминов, обусловленная единством военно-технологической матрицы степной цивилизации. Наконец, военная лексика выступает не как замкнутый технический словарь, а как «узел» междисциплинарной корреляции, связывающий археологию, этнографию и поэтику в единую модель культурной памяти, где слово, предмет и ценность подтверждают друг друга на трёх взаимосвязанных уровнях.

Обсуждение

Полученные данные показывают, что военная терминология тюрко-монгольского ареала представляет собой системно организованную иерархию, основанную на функционально-семантическом принципе. В её структуре выделяются пять взаимосвязанных полей: наступательное и оборонительное вооружение, защитная экипировка, дистанционные средства и социально-воинская лексика. Такая модель отражает не только материальные реалии военного дела, но и когнитивные схемы осмысления войны как формы порядка и служения.

Базовые термины (*қылыш, найза, садақ, қалқан, сауыт, дулыға*) образуют устойчивое ядро системы, сохранившее форму и значение на протяжении веков. Их морфологическая стабильность и широкая ареальная представленность указывают на древность и глубину укоренения в языковой памяти. Это подтверждает, что военная лексика функционирует как автономная и культурно детерминированная подсистема, сохраняющая внутреннюю согласованность независимо от эволюции материальной культуры. Четыре репрезентативные лексемы — *көбе, қалқан, нөкер, олжа* демонстрируют разные уровни смысловой трансформации: от материального к символическому. *Көбе* эволюционировала от обозначения кольчужного доспеха к метафоре прочности; *қалқан* — от щита к понятию защиты и покровительства; *нөкер* — от дружинника к соратнику; *олжа* — от военной добычи к удаче и благополучию. Эти изменения показывают, как конкретные предметные значения превращаются в категории морального и социального порядка. Военная лексика, таким образом, выходит за рамки узкофункциональной терминологии и становится носителем ценностных представлений и коллективной памяти.

Сопоставительный анализ тюркских и монгольских форм (*садақ — сахадаг, дулыға — дуулга, қалқан — халхавч, нөкер — нөхөр*) выявил устойчивые изоглоссы, охватывающие обширное пространство Центральной Азии. Совпадения объясняются не прямыми заимствованиями, а общими военно-технологическими традициями и единой культурной матрицей степной цивилизации. Фонетические расхождения между языками связаны преимущественно с диалектными вариациями, при этом семантические ядра остаются идентичными. Так, *олжа* и *олз* во всех контекстах обозначают «добычу» как материальный и моральный результат, что указывает на их общее концептуальное происхождение.

В целом, военная терминология тюрко-монгольского ареала представляет собой надэтническое явление, отражающее процессы интеграции языков и культур в евразийском пространстве. Её развитие определяется взаимодействием внутренних механизмов словообразования и контактных влияний, что делает данную систему примером устойчивой лингвокультурной конвергенции. Внутренняя организация этой системы демонстрирует чётко выраженную структурную стратификацию.

Анализ четвёртого раздела показал, что военная лексика тюрко-монгольского ареала имеет ядерно-периферийную организацию. В её центре находятся высокочастотные и морфологически устойчивые термины (*қылыш, найза, қалқан, сауыт, дулыға*), отличающиеся функциональной специфичностью и стабильностью. Периферийные элементы (*нөкер, олжа, көбе, қорамсақ*) демонстрируют большую семантическую подвижность и склонность к расширению значений.

Корреляция между устойчивостью термина и конкретностью его референта подтверждает: чем теснее слово связано с материальной функцией оружия, тем выше вероятность его сохранности в языке. Напротив, лексемы, обозначающие социальные и этические категории, чаще подвергаются полисемии и метафоризации. Эта закономерность отражает универсальный когнитивный принцип: конкретные значения служат опорой для последующего абстрагирования и символизации.

Таким образом, военный лексикон структурируется на трёх уровнях:

1 материальный — обозначения предметов вооружения;
2 социальный — термины воинских ролей и функций;
3 символический — категории морального порядка.

Совокупность данных показывает, что военная терминология выполняла не только номинативную, но и мировоззренческую функцию. Через неё отражались базовые ценности степной цивилизации — *сила, защита, верность и воздаяние*, формировавшие когнитивное ядро идеала воина.

Язык вооружения также выполнял этическую функцию кодификации поведения:

- *қылыш* символизировал активное начало и мужество;
- *қалқан* — защиту и ответственность;
- *нөкер* — преданность и служение;
- *олжа* — справедливое воздаяние.

Метафорическое продолжение этих категорий в современном языке (*қалқан болу*, *олжа болу*, *сауыттай төзім*) свидетельствует о трансформации военного кода в нравственно-философский пласт культуры. Военная лексика, таким образом, выступает как семиотическая модель, обеспечивающая преемственность между материальной и духовной культурами. Её структура подтверждает, что язык вооружения сохранил функции хранения исторической памяти и передачи аксиологических ориентиров тюрко-монгольского мира.

Продолжая этот вывод, можно отметить, что системность военной лексики проявляется не только в её символических функциях, но и в механизмах исторического формирования. Проведённое исследование военной лексики тюрко-монгольского ареала показывает, что становление терминологии обусловлено не только утилитарной потребностью наименования вооружения, но и глубинными культурными процессами — самосознанием воинских сообществ и трансляцией их ценностей. Военный словарь выступает частью когнитивно-семиотической системы, где предметные, символические и социальные значения образуют единое пространство. Его характерная черта —наличие устойчивых лексем, сохраняющих семантическую непрерывность и фиксирующих не только технику, но и мировоззренческие координаты степной цивилизации. Системная организация лексики подчинена функциональному принципу: каждая единица занимает определённую когнитивную нишу. Номинации наступательного вооружения (*қылыш, найза, садақ, шоқпар, айбалта*) маркируют зону активного действия (сила, смелость, мужество); оборонительная и защитная терминология (*қалқан, сауыт, көбе, дулыға*) воплощает идеи сохранения и дисциплины. Дистанционные средства (*садақ, жебе, оқ*) занимают промежуточную позицию, связывая оппозицию «атака — защита» в единую динамическую схему. Тем самым язык вооружения закрепляет когнитивную модель баланса действия и обороны — ключевую для воинской этики степи.

Сопоставление фонетико-морфологических соответствий демонстрирует высокую степень корреляции между тюркскими и монгольскими рядами. Параллели типа *қылыш — кылыч — къылыч — сэлэм*, а также *қалқан — калкан — халхавч* и *дулыға — дуулга* указывают на общие кыпчакско-монгольские архетипы, переосмысленные в разных диалектных средах при сохранении единой концептуальной рамки. Это подтверждает существование общего культурно-исторического пространства передачи воинских знаний и традиций. Ключевые термины выполняют одновременно номинативную и мировоззренческую функции. Так, *көбе* из обозначения кольчужного доспеха переходит к значениям «стойкость», «неуязвимость»; *қалқан* — от «щита» к «опоре, покрову». Эти сдвиги фиксируют переход предметных категорий в символические и демонстрируют устойчивость архетипической связки телесной и духовной защиты в современных тюркских языках.

Социальный аспект наиболее наглядно отражён в слове *нөкер*: от «свободного вооружённого спутника при хане/нойоне» к «верному соратнику, другу». Переход от институционального к личностному регистру показывает, как язык перенастраивает смыслы власти и преданности, превращая иерархический статус в моральную солидарность. Термин *олжа* иллюстрирует обратную перспективу: от юридически-ритуальной «добычи» к символам удачи и заслуженного успеха. Современные переносные употребления (напр., *олжа болу*) подтверждают живучесть модели «воздаяние за доблесть» и её интеграцию в сегодняшний языковой код. Совместно эти четыре лексемы (*көбе, қалқан, нөкер, олжа*) охватывают разные стадии когнитивной абстракции и символизации, демонстрируя типичную для тюрко-монгольских языков траекторию «от предмета — к идеологеме». Язык вооружения тем самым становится инструментом фиксации культурной памяти и норм поведения.

Сравнительно-исторические данные увязывают динамику значений с постоянным межъязыковым взаимодействием. Общие корни, засвидетельствованные в Codex Cumanicus и «Диван лугат ат-тюрк», свидетельствуют о конвергентном формировании терминологии в едином лингвокультурном пространстве. Стабильность оппозиций «щит — меч», «служение — воздаяние», «доблесть — добыча» прослеживается в обеих семьях. Высокий метафорический потенциал военной лексики объясняется пониманием войны как формы порядка и равновесия. В этом дискурсе меч и щит выступают не только инструментами, но и категориями, задающими границы между хаосом и космосом. Отсюда устойчивость базовых терминов и параллелизм их эволюции, благодаря чему древние военные метафоры продолжают работать в современном языке как носители идей силы, чести и защиты, соединяя материальную культуру прошлого с этическими структурами настоящего. Развитие этой метафорической системы непосредственно связано с внутренней организацией военного лексикона.

Анализ лексико-семантических закономерностей военной терминологии тюрко-монгольского ареала выявил её многоуровневую организацию, обусловленную различной степенью архаичности, частотности и символической насыщенности. Структура лексики отражает три уровня смыслового функционирования — *материальный, социальный и духовно-символический*, каждый из которых связан с определённым типом когнитивных операций, превращающих конкретные номинации в элементы культурного кода. Подобная стратификация демонстрирует характерную для степной цивилизации способность соединять прагматическую точность с мифопоэтическим мышлением.

Материальный уровень представляет собой наиболее устойчивый пласт лексики, отражающий реальные предметы вооружения и боевого снаряжения. Термины *қылыш, найза, садақ, қалқан, сауыт, дулыға* демонстрируют высокий уровень межъязыковой унификации и формальной консервативности, что свидетельствует о тесной связи языка с технологическим опытом древних обществ. Этот пласт можно рассматривать как своеобразный «технологический паспорт» культуры, в котором зафиксированы навыки обработки металла, ковки, ткачества и сборки вооружения.

Социальный уровень охватывает лексемы, обозначающие воинские функции, статусы и формы иерархии: *нөкер, сарбаз, батыр, қолбасы* и др. Эти слова отражают институционализацию воинского сословия, где военная служба являлась не только профессиональной деятельностью, но и формой социальной идентичности. Так, термин *нөкер* эволюционировал от обозначения вооружённого спутника к символу личной верности и преданности; аналогичный переход наблюдается у слова *батыр*, утратившего значение звания и ставшего универсальной номинацией храбрости.

Духовно-символический уровень отражает высшую стадию семантической эволюции, при которой военная лексика превращается в носитель этических и мировоззренческих категорий. Процесс метафоризации приводит к расширению значений: *сауыт* начинает обозначать «непроницаемость духа», *қалқан* — «защитника народа» или «опору семьи». Эти переносы основаны на архаичных мифопоэтических моделях, где оружие персонифицировалось и наделялось сакральными свойствами.

Сравнительно-типологический анализ выявил устойчивое распределение зон консервативной и инновационной лексики: оборонительные термины отличаются большей стабильностью, тогда как в группе наступательного вооружения наблюдается более выраженная семантическая дивергенция. Такая разница объясняется особенностями культурной и технологической традиции: предметы защиты связаны с коллективными ремесленными практиками, тогда как оружие нападения — с индивидуальным мастерством и художественной вариативностью. Ареально-исторический обзор показал, что западнокыпчакская зона (казахский, каракалпакский, башкирский языки) характеризуется высокой степенью терминологического единства, тогда как восточные регионы (киргизский, алтайский, бурятский, халха-монгольский) демонстрируют большую вариативность. Однако при всей фонетической и морфологической разнородности сохраняется инвариантная семантическая структура ключевых понятий — «щит», «меч», «копьё», «доспех». Это подтверждает существование единого культурного кода, в котором вооружение осмыслялось как символ власти, достоинства и сакрального порядка.

Семиотический анализ показывает, что оружие и элементы доспеха функционируют как продолжение тела и духа воина, формируя систему устойчивых архетипов: *қылыш* и *айбалта* воплощают действие и инициативу; *қалқан* и *көбе* — сохранение и защиту; *нөкер* и *олжа* — социальную связь и справедливое воздаяние. Эта бинарная структура («удар — отражение», «нападение — защита», «служение — награда») отражает представление о войне не как о разрушении, а как о форме поддержания космического равновесия – ключевом принципе степного миропонимания. Военная терминология выступала не только средством описания, но и механизмом идеологической репрезентации. Через неё закреплялись нормы иерархии, долга и доблести. В средневековых источниках слова *нөкер* и *олжа* функционировали как знаки статуса и этического идеала, а в паремиях и устойчивых выражениях — как инструменты моральной кодификации поведения. Диахронические данные показывают, что развитие военной лексики сопровождалось процессами семантической диффузии и метафоризации: конкретные номинации приобретали абстрактные и ценностные смыслы, формируя обширное *лексическое поле доблести*, где каждое слово выступало носителем этического значения.

Следовательно, военная терминология тюрко-монгольского ареала представляет собой не просто совокупность предметных обозначений, а когнитивную модель, отражающую систему ценностей и философию равновесия. Её устойчивость и повторяемость в разных языках объясняются глубинной культурной взаимосвязанностью, а сохранение концептуального ядра при локальных различиях свидетельствует о стабильности воинского мышления народов степной цивилизации.

Продолжая этот вывод, можно отметить, что функциональная многослойность военной лексики проявляется и на уровне её культурных и идеологических функций**.** Военная лексика тюрко-монгольского ареала, формально относясь к сфере материальной культуры, выполняла существенно более сложные задачи. Её структура отражает не только систему наименований оружия и доспехов, но и ценностные ориентиры общества, в котором война понималась как форма социальной организации и духовного опыта. Язык вооружения выступал инструментом символизации: через устойчивые понятийные схемы каждый термин несёт техническую и одновременно морально-идеологическую нагрузку. Поскольку воинская культура степи опиралась на служение, иерархию и достоинство, соответствующая лексика функционировала как код коллективной идентичности. Связь военной терминологии с социальными институтами проявляется в расширении функций номинаций: нөкер, батыр, сарбаз выходят за пределы описания ремесла войны и обозначают тип человека с сакральной миссией. Социальная стратификация закрепляется в устойчивых формулах, маркирующих одновременно статус и добродетель; выражения, связанные с присягой и верностью хану (на базе корня нөк-), кодируют идею подчинения ради сохранения чести.

Показателен термин нөкер: ранние источники фиксируют значение «вооружённый спутник, вольнослужащий дружинник», а к XIII—XIV вв. укрепляется оттенок личной преданности и товарищества. Лексема становится медиатором между социальным порядком и категорией доверия, демонстрируя переход от институционального к личностному уровням и, тем самым, гуманизацию военной лексики. Схожую динамику обнаруживает олжа. Первоначально — строго юридическое «военная добыча», позднее — символ справедливого воздаяния и заслуженного успеха, «доля» по заслугам. Сдвиг от случайной удачи к моральной категории отражает переосмысление ритуалов победы и норм распределения. Военный словарь не ограничивается «мужским кодом»: сакральный характер войны и защиты рода обусловливает перенос терминов в семейно-духовную сферу. Так, қалқан в поэзии — образ родительской опеки и ответственности. Язык вооружения, таким образом, пронизывает культурную ткань, закрепляя идею долга и опоры. Мифопоэтический уровень задаёт перформативный режим речи: оружие одушевляется, требует ритуального обращения; формулы типа қылыш суырды («вынул меч») и сауыт киді («надел доспех») становятся метафорами решимости и готовности к испытанию. Здесь слово совпадает с действием, а номинация — с поступком.

В эпосах («Қобыланды батыр», «Манас») оружие — не только атрибут, но и продолжение личности героя: оно «помнит», «откликается», «мстит». Персонификация не наивна, а отражает высокий уровень символического синтеза: термины қылыш, найза, садақ, қалқан одновременно именуют предмет и принцип – действия, защиты, равновесия, судьбы. Лексика вооружения служила каналом межпоколенческой трансмиссии. Через устойчивые формулы передавались навыки и нравственные нормы: «қылышың өткір болсын» — пожелание храбрости, «сауытың мықты болсын» — стойкости и чести. Тем самым военный словарь выполнял педагогическую функцию. Одновременно терминология фиксировала формы коллективной организации: қол, жасақ, нөкерлік обозначают и воинские объединения, и принципы внутренней солидарности. Это язык власти и управления, фундамент политической лексики степной государственности, где служение правителю мыслится продолжением личной доблести.

Ареально-сопоставительный анализ подтверждает единство когнитивного ядра тюркских и монгольских языков: общая метафорика и семантика соотносятся с представлениями о космическом равновесии, в которых оружие — символ гармонии и меры силы. Военная терминология выступает инструментом культурной идентичности, репрезентируя архетип воина как хранителя справедливости и посредника между хаосом и порядком. Сохранность этих структур в современных языках и жанрах свидетельствует о долговременной преемственности и жизнеспособности древних концептов. Таким образом, выявленные закономерности позволяют рассматривать военную лексику тюрко-монгольского ареала не просто как историко-терминологический пласт, а как языковое воплощение этической системы и особого типа мышления, в котором сила и честь образуют единую категорию. В совокупности данные показывают, что военная лексика тюрко-монгольского ареала — не просто словарь войны, а отражение этической системы и особого типа мышления, в котором сила и честь взаимодополняют друг друга. Язык вооружения выступает медиатором между материальной и духовной культурами, связывая технологические практики с моральными принципами; его устойчивость и метафорическая продуктивность обусловлены синтезом утилитарного и сакрального. Тем самым военная терминология выражает философию степного мира, где каждый предмет и каждое слово несут идею гармонии, баланса и ответственности перед прошлым.

Сопоставительный и когнитивно-семантический анализ позволил реконструировать внутренние законы организации и основные векторы смыслового развития этой лексики. Речь идёт о целостной семиотической модели, встроенной в мировоззрение степной цивилизации: термины оружия, защиты и воинских функций образуют не набор технических номинаций, а когнитивную архитектуру, через которую в языке закрепляются архетипы действия, служения и справедливого воздаяния.

Ключевой результат — выявление закономерностей устойчивости и трансформации значений. Называния элементов вооружения демонстрируют высокую семантическую инерцию благодаря включённости в культурный код: они обозначают не только предметы, но и символы меры и долга. Поэтому такие единицы сохраняются в языке даже после утраты непосредственных референтов. Это объясняет живучесть терминов қылыш, найза, қалқан, сауыт, көбе в современном казахском, башкирском, каракалпакском и киргизском языках, их активное участие в метафорических конструкциях (қалқан болу «быть защитой», сауыттай төзім «стойкость как доспех»). Развитие терминологии шло в русле институциональных перемен. На ранних этапах номинации вооружения коррелировали со статусом носителя; так, нөкер первоначально означал члена свиты, связанного отношениями верности и зависимости, а позднее переосмыслился как «верный соратник/друг». Тем самым лексика одновременно фиксировала социальные отношения и адаптировалась к их эволюции, сохраняя этическое содержание.

Семантические переходы подчиняются общей когнитивной логике движения от конкретного к универсальному: сначала — предмет, затем — социально-ритуальная нагрузка, далее — символическая категория. Так, көбе смещается от «кольчужного доспеха» к «стойкости», а олжа — от «трофея» к метафоре заслуженного вознаграждения. Ареальные закономерности указывают не на простое заимствование, а на конвергентное развитие в общих культурных условиях. Соответствия типа қалқан — халхавч, нөкер — нөхөр, дулыға — дуулга отражают единое концептуальное поле и взаимную кристаллизацию смыслов. Военная терминология тем самым выступает индикатором культурного единства тюрко-монгольского мира, чьё языковое развитие происходило в условиях длительного взаимодействия и идеологического синтеза. Переходя от макроареальных закономерностей к внутренним когнитивным механизмам лексической устойчивости, важно отметить, что прочность терминологической системы обеспечивалась не только межъязыковыми контактами, но и её сакральным статусом в культурной традиции.

Важным результатом стало выявление корреляции между семантической устойчивостью термина и его ритуальной значимостью: чем выше степень сакрализации предмета, тем стабильнее его наименование. Термины, связанные с оружием, фигурирующим в обрядах инициации и погребальных церемониях, демонстрируют минимальную изменчивость. Так, лексемы сауыт, қалқан, найза не только обозначают конкретные предметы, но и входят в состав ритуальных формул, что фиксирует их значение даже при смене технологий. Напротив, названия утилитарных элементов снаряжения (ремни, колчаны, крепления) варьируют чаще — признак более низкой степени символического закрепления. Это наблюдение важно для реконструкции механизмов лингвистической устойчивости и применимо в более широком культурно-типологическом контексте.

Военная лексика выступает индикатором отношения общества к власти, труду и ответственности: каждый элемент вооружения имеет этическую интерпретацию. Меч — символ справедливости, щит — образ опоры и защиты, кольчуга — знак внутренней дисциплины. Эти ассоциации глубоко укоренены в языке и поддерживаются фразеологией, формируя единство внешнего поведения и внутренней морали. С позиций когнитивной лингвистики язык вооружения репрезентирует «воплощённое мышление»: телесный опыт (удар, удержание, защита, преграда) трансформируется в абстрактные категории силы, устойчивости и ответственности. Тем самым военная семантика демонстрирует, как телесные метафоры становятся инструментами культурного самоописания: в тюрко-монгольском контексте оружие метафоризуется не как агрессия, а как внутренняя организованность и самоконтроль. Весомо и влияние военной терминологии на национальные языки и литературы: слова древнего военного словаря стали символами идентичности и маркерами героического стиля. В эпосах и поэзии они функционируют как устойчивые знаки мужества и достоинства, связывая прошлое и настоящее и становясь каркасом этнокультурного нарратива. В свете современных лингвокультурологических

подходов эта лексика –пример «долгой памяти языка»: семантические структуры сохраняются столетиями, поскольку встроены в систему коллективных представлений и продолжают выполнять функцию смысловых опор даже после утраты первичного референта. Язык вооружения тем самым относится к нематериальному культурному наследию, в котором закодированы архетипические формы восприятия мира.

Военная терминология тюрко-монгольского ареала — многослойная когнитивно-семиотическая система, где предметный, социальный и духовно-символический уровни связаны отношениями взаимной мотивации. Её устойчивость обеспечивается сакрализацией базовых концептов силы, защиты и справедливости; изменчивость — историческими и социальными трансформациями; актуальность — продолжением функционирования этих концептов как культурных символов в новых контекстах. Соответственно, язык вооружения выполнял и выполняет прагматическую, когнитивную и аксиологическую функции: он описывает, структурирует и осмысляет реальность, медиируя между материальной культурой и духовными принципами. Эта лексика не исчезла, а трансформировалась в систему символов устойчивых культурных смыслов. Её изучение значимо не только для исторической лексикологии, но и для антропологии, культурологии и философии языка, поскольку выявляет универсальные механизмы взаимодействия слова, действия и ценности в человеческой культуре.

Заключение

Проведённое исследование показало, что военная терминология тюрко-монгольского ареала представляет собой не совокупность разрозненных обозначений, а целостную лексико-семантическую систему, в которой языковая форма, материальный артефакт и культурно-символическая функция пребывают в устойчивых отношениях взаимной мотивации. Полученные результаты позволяют утверждать, что военный лексикон степных народов отражает не только технологические и социальные реалии своего времени, но и фундаментальные когнитивные принципы мышления, определявшие модель мира степной цивилизации.

Ключевая особенность этой системы состоит в её *многоуровневой структуре.* На первом, предметно-материальном уровне функционируют номинации, непосредственно соотносимые с конкретными элементами вооружения — *қылыш, найза, садақ, жебе, сауыт, қалқан, дулыға*. Эти лексемы образуют *жёсткое ядро* военной терминологии: они отличаются высокой архаичностью, фонетической стабильностью, межъязыковой универсальностью и минимальной семантической подвижностью. Их устойчивость объясняется тесной связью с конструктивной функцией артефакта: щит защищает, меч поражает, доспех покрывает, — таким образом, семантика буквально «встроена» в действие. Это делает данные номинации не просто наименованиями, а лингвистическими эквивалентами технологии.

На втором уровне, *социально-институциональном*, располагаются лексемы, отражающие структуру воинского сословия, формы служения и механизмы социальной солидарности — *нөкер, сарбаз, батыр, қолбасы*. Эти единицы репрезентируют институционализацию военной функции: из индивидуального ремесла войны она превращается в модель общественного устройства. При этом термин *нөкер* демонстрирует переход от обозначения вооружённого спутника при хане к категории личной верности, а затем — к универсальному символу товарищества. Семантический сдвиг от иерархии к взаимной ответственности отражает гуманизацию военного кода и формирование этического измерения служения.

Третий уровень — *символико-ритуальный*, где лексемы утрачивают предметную референцию и приобретают статус культурных архетипов. Здесь военная терминология становится языком этических и философских категорий. Так, *сауыт* обозначает не только доспех, но и «непроницаемость духа»; *қалқан* — не только щит, но и «опору», «защиту семьи»; *көбе* — символ стойкости; *олжа* — метафору заслуженного воздаяния. Эти

переносы формируют особый пласт духовной лексики, в которой физическая защита переосмысляется как моральное постоянство. Таким образом, военная терминология степи является не просто отражением военного дела, но и способом философского осмысления человеческого долга, меры силы и ответственности.

Верификация терминов по четырём критериям — *семантическому, типолого-конструктивному, хронологическому и ареально-культурному* — позволила достичь высокой степени аналитической достоверности. Методика сопоставления «термин ↔ артефакт» с введением шкалы достоверности *A/B/C* обеспечила переход от описательной этимологии к доказательному анализу, где каждая лексема рассматривается как эмпирическая гипотеза о действии, конструкции и функции. Эта методология открывает новые возможности для археолингвистики, делая язык инструментом реконструкции материальной культуры.

Функционально-семантическая типология, включающая пять классов вооружения — наступательное, оборонительное, дистанционное, кавалерийское и ритуально-статусное, показала, что система военной лексики структурирована по принципу баланса «действие ↔ защита ↔ статус». Наступательные термины (*қылыш, найза, садақ*) концентрируют семантику силы и инициативы; оборонительные (*қалқан, сауыт, көбе, дулыға*) — стойкости и самоконтроля; социальные (*нөкер, олжа*) — служения и справедливости. В совокупности они воспроизводят *аксиологическую модель степного воина* — человека, соединяющего физическую мощь с моральной дисциплиной.

Одним из принципиальных открытий стало выявление корреляции между *степенью сакрализации предмета и устойчивостью его наименования.* Термины, связанные с ритуальными действиями (сауыт, қалқан, найза), демонстрируют минимальную изменчивость и сохраняют форму на протяжении веков, тогда как названия утилитарных элементов (қорамсақ, ремни, крепления) варьируют свободнее. Этот феномен подтверждает, что языковая консервация прямо зависит от ритуальной значимости: сакральный объект не может быть переименован, потому что его имя — часть обряда. Таким образом, *устойчивость лексемы — индикатор её ритуального статуса.*

Семантический анализ выявил три траектории развития военной лексики*: функциональную преемственность, семантическую дивергенцию и культурную трансформацию*. Первая отражает стабильность терминов, соотносимых с конкретными артефактами (*найза, садақ, дулыға*), вторая фиксирует расширение значений и переход от утилитарных к социально-этическим функциям (*сауыт, қалқан, нөкер*), третья — переход в символическую сферу (*олжа, көбе*). Совокупно эти линии демонстрируют когнитивную закономерность движения от конкретного к универсальному, от вещи — к ценности. Важным результатом является подтверждение *ареальной конвергенции*: совпадения типа *қалқан — халхавч*, *нөкер — нөхөр*, *дулыға — дуулга* свидетельствуют не о заимствовании, а о параллельном развитии в едином культурном контексте. Это позволяет говорить о существовании *общей лингвокультурной матрицы* Центральной Азии, в рамках которой военный лексикон выполнял интеграционную функцию — формировал общий семиотический код степного мира.

Исследование показало, что *военная терминология функционирует как модель социальной памяти.* В ней зафиксированы представления о чести, долге, воздаянии и равновесии, которые обеспечивали воспроизводство культурных норм. Лексемы, обозначающие оружие и доспехи, превращались в метафоры этических добродетелей: *қылыш* ассоциировался со справедливостью, *қалқан* — с верностью, *сауыт* — с выдержкой, *олжа* — с правом на заслуженную награду. Через эти значения язык закреплял идею гармонии между действием и моралью — фундаментальную для воинской идеологии степей. Семиотический анализ показал, что оружие осмыслялось как *продолжение тела и духа воина*. Его части (лезвие, рукоять, щит, кольчуга) формировали метафорический образ человека, способного к контролю силы. В эпосах и героической поэзии оружие не отделено от личности – оно живое, одушевлённое, реагирующее на справедливость и предательство.

Таким образом, военная лексика выступала инструментом *онтологизации действия*: через неё формировалась модель мира, где каждое движение имеет этическое значение.

Практическая значимость работы проявляется в том, что разработанная типология и шкала достоверности создают основу для междисциплинарных применений — от исторической лексикографии и корпусных технологий до музейной атрибуции и цифровых онтологий вооружения. Созданный принцип «паспортов соответствия» может использоваться при составлении лингвоархеологических баз данных, что делает возможным не просто каталогизацию, а *научную реконструкцию культурных систем* по лингвистическим признакам.

В теоретическом плане исследование продемонстрировало эффективность синтеза сравнительно-исторического, когнитивно-семантического и археолингвистического подходов. Этот комплексный метод позволяет рассматривать язык как *эмпирическую систему свидетельств* о ментальных и технологических процессах. Тем самым подтверждена возможность выстраивания «обратной археологии» — реконструкции культурных моделей через анализ языковых следов.

Итоги исследования позволяют уточнить базовые принципы функционирования военной лексики как когнитивно-семиотической системы:

1. Язык вооружения кодирует не столько предмет, сколько принцип действия — баланс между силой и порядком.
2. Степень устойчивости термина прямо зависит от сакрализации обозначаемого объекта.
3. Межъязыковая стабильность объясняется не заимствованием, а общими когнитивными основаниями степной культуры.
4. Эволюция значений подчинена универсальной схеме: от материального → к социальному → к символическому.
5. Язык вооружения сохраняет функцию этической репрезентации даже после утраты материальной реальности предмета.

В совокупности эти положения позволяют рассматривать военную терминологию тюрко-монгольского ареала как *устойчивую модель взаимодействия языка, технологии и культуры*. Она демонстрирует, что лексика способна фиксировать не только формы оружия, но и формы мышления, становясь свидетельством цивилизационного опыта.

Таким образом, *язык вооружения степей* — это не набор технических терминов, *а когнитивно-символическая архитектура*, через которую древние общества осмысляли силу, порядок и справедливость. Его внутренние структуры продолжают функционировать в современных тюркских и монгольских языках, перенося архаичные образы доблести и защиты в область морального и эстетического опыта.

Военная терминология тюрко-монгольского ареала, проверенная методами корпусного и ареального анализа, подтверждает тезис о том, что *лексика может быть источником историко-культурной реконструкции* не менее надёжным, чем археологические артефакты. Через язык материальная культура сохраняет своё присутствие в коллективной памяти — и именно это делает лингвистику ключевым инструментом познания цивилизаций.

Таблица 1. **Межъязыковые соответствия военной лексики тюрко-монгольского ареала**

№	Казахский	Кыргызский	Карачаево-Балкарский	Каракалпакский	Башкирский	Монгольский
1	Қылыш	Кылыч	Къылыч	Қылыш	Ҡылыс	Сэлэм
2	Найза	найза	сюнгю	Найза	һөңгө	жад
3	Садақ	Жаа	Садакъ джая	Жай, оқ-жай	Йәйә, ян	сахадаг
4	Жебе	Ок	Ок	Оқ	Уҡ	Нумны сум
5	Шоқпар	Чокмор	Чокъмар	Шоқмар	Сүкмар	Шийдэм
6	Айбалта	Айбалта	Ай балта	Ай балта	Айбалта	Саран сүх
7	Қанжар	Канжар	къама	Қанжар	Һәнйәр	Чинжал хутга
8	Сауыт	Соот	сауут	Саут	һайман	Зэр-зэвсэг
9	Қалқан	Калкан	къанга	Қалқан	калкан	халхавч
10	Дулыға	Дулыга	Дулыга	Дуулыға	Дулғы	Дуулга
11	Қорамсақ (оқ салғыш, жебе қапшығы)	Ок салгыч	Ок салгыч, садакъ орун	Қоламсақ, оқ қабы	корман	хоромсого
12	Мылтық	Мылтык	Мылтыкъ	Мылтық	Мылтык	Буу
13	Пышақ	бычак	бычакъ	Пышақ	бысаҡ	Хутга
14	көбе	көбә	кюбе	күбө	йәүшән	кубэ
15	олжа	Кама / Қама	Қама / Къама	Қама	Ҡама	олз
16	нөкер	нөкөр	нөкер	нөкер	Нәукәр, нөгәр	нөхөр

Литература

Агатай и др. 2023: Агатай У.М., Сабитов Ж.М., Досымбетов Н.А. 2023. Стрелы-джебе в ногайлинско-казахском героическом эпосе. *МАИАСП* 15, 665—669. DOI: 10.53737/8916.2023.97.73.025.

Ауэзов М. 1985. *Эпос и фольклор народов Казахстана.* Алматы: Жазушы.

Ахметьянов Р.Г. 1988. *Этимологический словарь татарского языка.* Казань: Татарское книжное издательство.

Баскаков Н.А. 1962. *Тюркские языки: Историко-сравнительная характеристика.* Москва: Наука.

Бобров Л.А., Агатай У.М. 2023. Могульский или ранний казахский шлем XV — начала XVII вв. из собрания Зайсанского историко-краеведческого музея. *МАИАСП* 15, 687—689. DOI: 10.53737/4288.2023.68.82.026.

Будагов Л.З. 1869. *Сравнительный словарь тюркских наречий.* Т. I. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Будагов Л.З. 1871. *Сравнительный словарь тюркских наречий.* Т. II. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Вежбицкая А. 2001. *Понимание культур через посредство ключевых слов.* Москва: Языки славянской культуры.

Владимирцов Б.Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм.* Ленинград: АН СССР.

Горелик М.В. 1993. *Оружие древнего Востока (IV тыс. до н. э. — IV в. н. э.).* Москва: Восточная литература.

ДС 1969: *Древнетюркский словарь* 1969. под ред. В.М. Наделяева и др. Ленинград: Наука.

Златкин И.Я. 1964. *История монгольской империи.* Москва: Наука.

Кашгари М. 1960. Диван лугат ат-тюрк. Т. I. Москва: Наука.

Кашгари М. 1961. Диван лугат ат-тюрк. Т. II. Москва: Наука.

Кашгари М. 1963. Диван лугат ат-тюрк. Т. III. Москва: Наука.

Кумеков Б.Е. 1972. *Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам.* Алматы: Наука.

Махмутова Л.Т. 1982. *Лексика древнетюркских памятников и татарский язык.* Казань: Казанский государственный университет.

Радлов В.В. 1893. *Опыт словаря тюркских наречий.* Т. I. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Радлов В.В. 1899. *Опыт словаря тюркских наречий.* Т. II. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Радлов В.В. 1905. *Опыт словаря тюркских наречий.* Т. III. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
Радлов В.В. 1911. *Опыт словаря тюркских наречий.* Т. IV. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
Севортян Э.В. (ред.). 1974. *Этимологический словарь тюркских языков.* Т. I. Москва: Наука.
Севортян Э.В. (ред.). 1978. *Этимологический словарь тюркских языков.* Т. II. Москва: Наука.
Севортян Э.В. (ред.). 1980. *Этимологический словарь тюркских языков.* Т. III. Москва: Наука.
Севортян Э.В. (ред.). 1989. *Этимологический словарь тюркских языков.* Т. IV. Москва: Наука.
Севортян Э.В. (ред.). 1997. *Этимологический словарь тюркских языков.* Т. V. Москва: Наука.
Севортян Э.В. (ред.). 2000. *Этимологический словарь тюркских языков.* Т. VI. Москва: Наука.
Севортян Э.В. (ред.). 2003. *Этимологический словарь тюркских языков.* Т. VII. Москва: Наука.
СИЭ 1971: *Советская историческая энциклопедия.* 1971. Т. 9. Москва: Советская энциклопедия.
ТТАС 1978: *Татар теленең аңлатмалы сүзлеге*: 5 томда. Т. II. Казан: Татарстан китап нәшрияты.
Хазанов А.М. 1971. *Социальная история скифов.* Москва: Наука.
Bayarsaikhan J. et al. 2024. A New Saddle and Stirrup Complex from Western Mongolia. *Antiquity* 98 (392), 812–830.
Barfield T. 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 B.C.–1757 A.D.* Oxford: Blackwell.
Codex cumanicus, Bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum primum ex integro editit prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit comes Géza Kuun. 1880. Budapest: Budapestini Scient. Academiae Hung.
Clauson G. 1972. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish.* Oxford: Clarendon Press.
Chechushkov I.V. et al. 2020. Bridle and Bit Typology in Early Eurasia. *Journal of Archaeological Science: Reports* 33, 102476.
Ligeti L. 1975. *Researches in Altaic Languages.* Budapest: Akadémiai Kiadó.
Mahmud al-Kashgari. 1941. *Divān luġāt at-Turk.* Vol. I. Ankara: Türk Dil Kurumu (TDK).
Mahmud al-Kashgari. 1942. *Divān luġāt at-Turk.* Vol. II. Ankara: Türk Dil Kurumu (TDK).
Mahmud al-Kashgari. 1943. *Divān luġāt at-Turk.* Vol. III. Ankara: Türk Dil Kurumu (TDK).
Rykin P.O. 2023. *Mongolic Administrative Vocabulary in Historical Context.* Ulaanbaatar: NUM Press.
Sadykov R. et al. 2024. Typology of Arrowheads and Bow Equipment in Central Asia. *Central Asian Antiquity* 12 (1), 45—68.
Taylor W.T. et al. 2021. Horse Riding and Early Nomads of Central Asia. *Cambridge Archaeological Journal* 31(4), 675—695.
Tekin T. 1968. *A Grammar of Orkhon Turkic.* Bloomington: Indiana Univ. Publications.

References

Agatay et al. 2023: Agatay, U.M., Sabitov, Zh.M., Dosymbetov, N.A. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 665–669. DOI: 10.53737/8916.2023.97.73.025 (in Russian).
Auezov, M. 1985. *Epos i folklor narodov Kazakhstana (Epic and Folklore of the Peoples of Kazakhstan).* Almaty: Zhazushy (in Russian).
Akhmet'yanov, R.G. 1988. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka (Etymological Dictionary of the Tatar Language).* Kazan: Tatar Book Press (in Russian).
Baskakov, N.A. 1962. *Tyurkskie yazyki: Istoriko-sravnitelnaya kharakteristika (Turkic Languages: A Historical and Comparative Description).* Moscow: Nauka (in Russian).
Bobrov, L.A., Agatay, U.M. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 15, 687–689. DOI: 10.53737/4288.2023.68.82.026 (in Russian).
Budagov, L.Z. 1869. *Sravnitel'nyi slovar' tyurkskikh narechii (Comparative Dictionary of Turkic Dialects).* Vol. I. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
Budagov, L.Z. 1871. *Sravnitel'nyi slovar' tyurkskikh narechii (Comparative Dictionary of Turkic Dialects).* Vol. II. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
Vezhbitskaya [A. Wierzbicka], A. 2001. *Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov (Understanding Cultures through the Mediation of Key Words).* Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury (in Russian).

Vladimirtsov, B.Ya. 1934. *Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongolskii kochevoi feodalizm (The Social Structure of the Mongols: Mongolian Nomadic Feudalism).* Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Gorelik M.V. 1993. *Oruzhie drevnego Vostoka (IV tys. do n. e. – IV v. n. e.) (Weapons of the Ancient East (4th millennium BCE — 4th century CE)).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Nadeljaev, V.M. et al. (eds.). 1969. *Drevnetyurkskii slovar' (Old Turkic Dictionary)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Zlatkin, I.Ya. 1964. *Istoriya mongol'skoi imperii (History of the Mongol Empire).* Moscow: Nauka (in Russian).

Kumekov, B.E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po Arabskim istochnikom (The Kimek State of the 9th–11th Centuries according to Arabic Sources).* Almaty: Nauka (in Russian).

Makhmutova, L.T. 1982. *Leksika drevnetyurkskikh pamyatnikov i tatarskii yazyk (The Vocabulary of Old Turkic Monuments and the Tatar Language).* Kazan: Kazan State University (in Russian).

Radloff, W. 1893. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (An Attempt at a Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. I. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press (in Russian).

Radloff, W. 1899. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (An Attempt at a Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. II. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press (in Russian).

Radloff, W. 1905. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (An Attempt at a Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. III. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press (in Russian).

Radloff, W. 1911. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii (An Attempt at a Dictionary of Turkic Dialects)*. Vol. IV. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press (in Russian).

Sevortyan, E.V. 1974. (ed.). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Etymological Dictionary of the Turkic Languages).* Vol. I. Moscow: Nauka (in Russian).

Sevortyan, E.V. 1978. (ed.). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Etymological Dictionary of the Turkic Languages).* Vol. II. Moscow: Nauka (in Russian).

Sevortyan, E.V. 1980. (ed.). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Etymological Dictionary of the Turkic Languages).* Vol. III. Moscow: Nauka (in Russian).

Sevortyan, E.V. 1989. (ed.). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Etymological Dictionary of the Turkic Languages).* Vol. IV. Moscow: Nauka (in Russian).

Sevortyan, E.V. 1997. (ed.). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Etymological Dictionary of the Turkic Languages).* Vol. V. Moscow: Nauka (in Russian).

Sevortyan, E.V. 2000. (ed.). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Etymological Dictionary of the Turkic Languages).* Vol. VI. Moscow: Nauka (in Russian).

Sevortyan, E.V. 2003. (ed.). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Etymological Dictionary of the Turkic Languages).* Vol. VII. Moscow: Nauka (in Russian).

SIE 1971: *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya (Soviet Historical Encyclopedia)* 1971 / Zhukov, E.M. (ed.). Vol. 9. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya (in Russian).

TTAS 1978: *Tatar telenen anglatmaly suzlege (Explanatory Dictionary of the Tatar Language).* 1978. Vol. II. Kazan: Tatarstan kitap nashriyaty (in Tatar).

Khazanov, A.M. 1971. *Sotsial'naya istoriya skifov (Social History of the Scythians).* Moscow: Nauka (in Russian).

Bayarsaikhan, J. et al. 2024. In *Antiquity* 98 (392), 812–830.

Barfield, T. 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 B.C.–1757 A.D.* Oxford: Blackwell.

Codex cumanicus, Bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum primum ex integro editit prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit comes Géza Kuun. 1880. Budapest: Budapestini Scient. Academiae Hung.

Clauson, G. 1972. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish.* Oxford: Clarendon Press, 362.

Chechushkov, I.V. et al. 2020. In *Journal of Archaeological Science: Reports* 33, 102476.

Ligeti, L. 1975. *Researches in Altaic Languages.* Budapest: Akadémiai Kiadó.

Mahmud al-Kashgari. 1941. *Divān luġāt at-Turk.* Vol. I. Ankara: Türk Dil Kurumu (TDK).

Mahmud al-Kashgari. 1942. *Divān luġāt at-Turk.* Vol. II. Ankara: Türk Dil Kurumu (TDK).

Mahmud al-Kashgari. 1943. *Divān luġāt at-Turk.* Vol. III. Ankara: Türk Dil Kurumu (TDK).

Rykin, P.O. 2023. *Mongolic Administrative Vocabulary in Historical Context.* Ulaanbaatar: NUM Press.

Sadykov, R. et al. 2024. In *Central Asian Antiquity* 12 (1), 45–68.

Taylor, W.T. et al. 2021. In *Cambridge Archaeological Journal* 31 (4), 675–695.

Tekin, T. 1968. *A Grammar of Orkhon Turkic.* Bloomington: Indiana Univ. Publications.